

ПРОСТРАНСТВО МИСТИЧЕСКОЙ ПРОГУЛКИ В СТИХОТВОРЕНИИ
АННЫ АХМАТОВОЙ «ПАМЯТИ ПИЛЬНЯКА»

Куликова Е.Ю.

Рассмотрены мистические прогулки в творчестве Анны Ахматовой: в центре исследования находится стихотворение «Памяти Пильняка». Через мотивы эха, зеркала, двойничества, воспоминания, встречи у Ахматовой происходит воскрешение иного мира, который поднимается по слову поэта и движется в пространстве памяти.

Ключевые слова: мотив прогулки, пространство, динамика, топос.

УДК
821.161.1
+82-1

Творчество акмеистов динамично: в первую очередь, это построение мира, созидание его. Созидание невозможно без преодоления пустоты, без осмысления свойств пространства, о чем писал О. Мандельштам в знаменитом эссе «Утро акмеизма»: «Акмеизм – для тех, кто, обуянный духом строительства, не отказывается малодушно от своей тяжести, а радостно принимает ее, чтобы разбудить и использовать архитектурно спящие в ней силы. Зодчий говорит: я строю – значит, я прав» [1]. «Дух строительства» открывает безбрежные перспективы перед творцом, позволяет увидеть мир в движении, в его изменении и преобразении. Каждый из акмеистов преображал мир соответственно своему мироощущению. «В тематическом репертуаре Гумилева, – указывал Ю.В. Зобнин, – от ранних произведений до стихотворений и поэм “Огненного столпа” – тема “движения”... традиционно находится в числе... программных тем» [2]. Мандельштам, постоянно обращаясь к мировой культуре и тяготея, в частности, к средневековой готике, пишет: «Но разве готика не торжество динамики? Еще вопрос, что более подвижно, более текуче – готический собор или океанская зыбь?» [3].

А. Ахматова в своих стихах придает предметам и образам вещность, осязаемость, конкретность и одновременно изменчивость, под ее рукой мир застывает, словно царскосельская статуя, и вновь становится динамичным, переливаясь, как магический кристалл. Целью нашего исследования является определение особенностей движения в лирике Ахматовой, где нет эффектных перемещений в пространстве, описанных Гумилевым (не случайно поэт еще и в жизни подтверждает свою идею динамичности бытия, становясь истинным путешественником), или почти реальных литературных путешествий к Овидию, А. Данте, Ф. Вийону и др. поэтам, которые созданы Мандельштамом. Однако движение как таковое – основополагающая константа в лирике Ахматовой. Жизненный путь Ахматовой входил в тексты, приобретал разнообразные очертания, видоизменялся, становился творческим путем и определял уже все бытие, делая его иным – по-новому полуреальным / полулитературным. Вспомним один из известных текстов Ахматовой: «Один идет прямым путем, / Другой идет по кругу / И ждет возврата в отчий дом, / Ждет прежнюю подругу. / А я иду – за мной беда, / Не прямо и не косо, / А в никуда и в никогда, / Как поезда с откоса» [4]. Это восьмистишие, написанное в 1940 г., можно поставить эпиграфом не только ко всему творчеству А. Ахматовой, но и к ее судьбе, преображенной и обыгранной, как на сцене, в стихах. «Движение, приближение, переход, подступ, путь куда-то или откуда-то – типичное состояние героев ахматовского мира. Сюда прежде всего относится очень распространенный мотив ‘ходьбы’, странничества, путешествий» [5], пишет Ю.К. Щеглов. В лирике Ахматовой мотив ходьбы часто совмещен с мотивом прогулки, что, собственно, и является предметом нашего исследования. Прогулка, как правило, оказывается прогулкой влюбленных и становится не только свиданием героев, но и свиданием поэтов. Каждая прогулка в лирике акмеистов становится маленьким путешествием, случившимся или воображаемым, но это всегда путешествие вглубь поэзии.

Мы рассмотрим литературную мистическую прогулку Ахматовой – стихотворение «Памяти Пильняка». Актуальность нашей работы заключается в том, что в мотив движения, один из важнейших для акмеистов, применительно к творчеству Анны Ахматовой нами включен мотив прогулки, точнее, ее разновидности – мистической прогулки. Анализ данного мотива в совокупности с другими, обрамляющими его, такими, как эхо, зеркало,

воспоминание, двойничество, позволяет расширить границы представлений о динамическом аспекте в лирике акмеистов только как о заполнении пустоты в пространстве или географическом преодолении его, как в творчестве Гумилева. Прогулка у Ахматовой становится конкретным воплощением диалога поэтов в пространстве памяти. Так, память (воспоминание) обретает физическую плотность и реальность, и общение собеседников выходит за границы реального бытия, перемещаясь в литературное пространство. Возвращение и воспоминание, пожалуй, – основные мотивы в лирике Анны Ахматовой. Именно через них читателю открывается ее мир, наполненный встречами с друзьями, живыми и умершими; поэтами – современниками (Мандельштам, Пастернак, Гумилев, Цветаева и др.) и классиками (Пушкин, Данте); городами и любимыми местами; вещами и образами, забытыми и всплывающими в подвалах памяти.

В композиционный центр стихотворения «Памяти Пильняка», в поминание, быть может, и нежеланное («О, если этим мертвого бужу, / Прости меня, я не могу иначе» [6]), вторгается мотив прогулки. В душе лирической героини рождается счастливая картина встречи, преодолевающая пространство «декабрьской ночи»: «И по тропинке я к тебе иду, / И ты смеешься беззаботным смехом, / Но хвойный лес и камыши в пруду / Ответствуют каким-то странным эхом» [7]. Почти закодированное обращение к мертвому Пильняку («Все это разгадаешь ты один...») неожиданно превращается в описание светлого эпизода, наполненного радостью свидания. Это свидание происходит вне реального хронотопа, поскольку время отменено и практически «сбито» (зима сплетается с летом, жизнь на какой-то момент отменяет смерть), и в результате остается лишь пространство события – то есть та самая мистическая прогулка в Переделкино, которая, как и рассмотренные выше, словно бы заимствована из действительности и в то же время существует только в сердце лирической героини. Встреча на лесной тропинке совсем не похожа на свидание с призраком, герой как будто бы и не умирал, но его смех вызывает «странное эхо» (его зрительный инвариант у Ахматовой: зеркало). Эхо/зеркало обозначает в ее лирике вторжение в реальность иного мира, как, например, в стихотворениях «Все души милых на высоких звездах...» или «Летний сад», в первом из которых героиня встречает собственную тень, а во втором обыгрывается множество отражений и зеркальных переключек: «статуи помнят меня молодой, / А я их под невшкою помню водой... / лебедь, как прежде, плывет сквозь века, / Любуясь красой своего двойника. / И замертво спят сотни тысяч шагов / Врагов и друзей, друзей и врагов» [8]. Лирическая героиня отражается в статуях Летнего сада, а они – в ней, подобно лебедю в пруду, глядящемуся в воду, а «враги и друзья» образуют нерасторжимую пару, что подчеркивает хиазм, использованный Ахматовой: эхо-зеркало обыграно не только семантически, но и синтаксически. «Лебедь – это и один из мифопоэтических двойников ахматовской героини в ее художественном мире (ср. надпись Гумилева на подаренном Ахматовой сборнике Бодлера: “Лебедю из лебедей – путь к его озеру”, – дорогая для нее надпись, приведенная в Записных книжках), так что метафизическая и одновременно субъективная перспектива Летнего сада, выходя за пределы парных взаимоотражений, размыкается, практически в бесконечность» [9], указывает Т.А. Пахарева. Так, мы видим, что двоящийся образ лебедя – это вариант двойничества лирической героини. Стихотворение описывает воображаемую прогулку по аллеям Летнего сада, прогулку-воспоминание, оттого в ней присутствует мистический ореол. С одной стороны, это прогулка в прошлое – в молодость, на встречу с умершими друзьями и врагами; с другой – это воскрешение иного мира, который поднимается по слову поэта и движется в пространстве памяти.

В стихотворении «Поздний ответ» («Невидимка, двойник, пересмешник...»), посвященном М. Цветаевой, из цикла «Венок мертвым», как и «Памяти Пильняка», тоже есть шествие теней-отражений, следующих за двумя поэтами: «Мы сегодня с тобою, Марина, / По столице полночной идем. / А за нами таких миллионы / И безмолвнее шествия нет» [10]. Прогулка по ночной Москве имеет мистический оттенок встречи с призраком, который сопровождает лирическую героиню. Если в стихотворении «Памяти Пильняка» героиня идет навстречу герою, они устремлены друг к другу, то в «Позднем ответе» это путь бок о бок, путь, оставляющий след, который замечает вьюга.

Погибшего Пильняка Ахматова не может ощущать мертвым, он для нее остается тем, кого можно позвать на прогулку, тем, кто встретит ее на тропинке. Но страшное знание проводит черту, отделяющую переживание живой встречи от воспоминания; прошлое, хотя и

вторгается в настоящее, не может его окончательно отменить. И отсутствие слез («Я о тебе, как о своем, тужу / И каждому завидую, кто плачет, / Кто может плакать в этот страшный час» [11]), скорее, не позволяет окончательно погрузиться в ирреальный мир, где все еще слышен «беззаботный смех». В стихотворении «Все души милых на высоких звездах...» плач становится частью легкого проникновения в иное пространство, он определяет особое видение героини – лир на ветках, собственной тени и т.д. А текст 1938 г. гораздо суше и от этого трагичнее: «выкипела, не дойдя до глаз, / Глаза мои не освежила влага» [12]. Сухость глаз, выкипевшая влага противоположны образам ледяного вина и седого водопада из стихотворения «Заболеть бы как следует, в жгучем бреду...»: «Буду с милыми есть голубой виноград, / Буду пить ледяное вино / И глядеть, как струится седой водопад / На кремнистое влажное дно» [13]. В стихотворении «Памяти Пильняка» возникает ощущение как будто бы застревания между мирами и невозможности встречи там. «Кремнистое влажное дно» превращается в ужасное «дно оврага», где лежат тела убитых. Ахматова словно проходит по краю этого оврага, и никакого изысканного пейзажа (как в тексте 1922 г.) больше не может возникнуть в пространстве ее души: мистическая прогулка в Переделкино внезапно обрывается.

В рукописи книги «Бег времени» в цикл «Венок мертвым» входило три стихотворения (под номером VII), посвященных Б. Пастернаку. Судьбу поэта Ахматова описывала как «черную непроезжую дорогу» (стихотворение «И снова осень валит Тамерланом...»), финал которой – «горчайший Гефсиманский вздох». Но третье стихотворение «Словно дочка слепого Эдипа...» вводит противоположный образ дороги: «перед ним / Вьется путь золотой и крылатый, / Где он Вышнею волей храним» [14]. На таком контрасте создается переживание пространства, создаваемого каждым поэтом для себя в своих произведениях. Это мир, растянутый между чернотой непроезжей дороги и золотым и крылатым путем, мир, где каждая прогулка приобретает мистический оттенок, потому что она всегда выводит за рамки реальности, где каждая встреча существует здесь и сейчас и не может быть отменена страшной смертью или разлукой. «7 января 1961 г. Ахматова прочитала Л.К. Чуковской весь цикл из трех стихотворений, посвященный Пастернаку. «Потом заговорили о «пути» в «дочке слепого Эдипа». – Дорога – это на одной его фотографии, которую он мне подарил. Там за окном видна дорога. Он написал по-французски: «Все дело в том, чтобы идти по ней выше и выше». Я поставила фотографию вот здесь, на тумбочке, у зеркала, и ее украли» [15].

Во втором стихотворении из посвященных Пастернаку «Умолк вчера неповторимый голос...» (под заглавием «Смерть поэта» впервые опубликовано в журнале «Знамя» (1964, № 10), см. об этом: [16]) в конце второй строки изначально стояло слово «вождь», рифмующееся со словом «дождь» в четвертой. Л.К. Чуковская отмечала, что сама Ахматова считала слово «вождь» «истасканным и неуместным» и хотела его «спасти эпитетом» [17]. Между тем несостоявшаяся в данном тексте Ахматовой рифма «вождь / дождь» не случайна: это отклик на стихотворение В. Комаровского «Как этот день сегодня странно тонок...»: «Идешь одинъ, какъ будто жданный вождь. / Младенчески чему то сердце радо. / И падает осенняя награда – / Блистательный, широкий, свѣтлый дождь» [18]. В стихотворении Ахматовой «Умолк вчера неповторимый голос...» нет описания прогулки с умершим поэтом, нет воспоминания о ней (как в «Памяти Пильняка»), но в обрамляющих микроцикл текстах (первом и последнем) мотив дороги/жизненного пути оказывается ведущим. Разновидность пути – прогулка – полностью скрыта, о ней не сказано ничего, но, вероятно, в процессе создания Ахматова невольно представляла себе встречу с Пастернаком, и ее поэтическая «память» о стихотворении Комаровского отчасти выдает мысль о том, что мистическое свидание могло бы существовать в данных строках.

Прогулка как инвариант пути, преодоления или осмысления пространства – земного, ирреального или воображаемого – есть тот динамический аспект, который формирует поэтический мир Ахматовой. Движение, иногда «шествие теней», прогулка по *дорожке* аллеи, ставшей *дорогой*, – вот характерные мотивы ахматовской лирики. Встреча с мертвыми происходит на приморской или царскосельской аллее, на улице Москвы, на знакомой тропинке, у водопада. Призрачные гости Ахматовой идут вместе с ней, не замедляя шага, погружая лирическую героиню в мистический топос и отчасти оказываясь в ее мире, в пространстве ее сознания.

Примечания:

1. Мандельштам О. Сочинения: В 2-х томах. М.: Худ. литература, 1990. Т. 2. С. 142.
2. Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С. Гумилева) // Н.С. Гумилев: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 7.
3. Мандельштам О. Указ соч. С. 140.
4. Ахматова А.А. Собр. соч.: В 2-х томах. М.: Изд-во «Правда», 1990. Т. 1. С. 206.
5. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. М.: АО Издательская группа «Прогресс», 1996. С. 268–269.
6. Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6-ти томах. Т. 1. Стихотворения. 1904–1941. М.: Эллис Лак, 1998. С. 440.
7. Там же.
8. Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6-ти томах. Т. 2. Кн. 2. Стихотворения. 1959–1966. М.: Эллис Лак, 1999. С. 7.
9. Пахарева Т.А. «Летний сад» А. Ахматовой (анализ стихотворения) // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 7. Симферополь: Крымский архив, 2009. С. 97.
10. Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6-ти томах. Т. 1. Стихотворения. 1904–1941. С. 469.
11. Там же. С. 440.
12. Там же.
13. Там же. С. 388.
14. Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6-ти томах. Т. 2. Кн. 2. С. 75.
15. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: В 3-х тт. Т. 2: 1952–1962. М.: Согласие, 1997. С. 452.
16. Королева Н.В. Комментарии // Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6-ти томах. Т. 2. Кн. 2. Стихотворения. 1959–1966. М.: Эллис Лак, 1999. С. 362.
17. Чуковская Л.К. Указ. соч. С. 402.
18. Комаровский В.А. Стихотворения. Проза. Письма. Материалы к биографии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. С. 90.

Сведения об авторе:

Куликова Елена Юрьевна, канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Академии наук (г. Новосибирск).
E-mail: kulis@mail.ru

**MYSTIC PROMENADE SPACE IN ANNA AKHMATOVA'S POEM
«IN MEMORY OF PILNYAK»**

KULIKOVA E.YU.

The article considers mystic promenades in Anna Akhmatova's oeuvre, the poem 'In memory of Pilnyak' is the subject of research. Resurrection of the other world, which rises with poet's word and moves through memory space in Akhmatova's oeuvre occurs by means of echo, mirror, dualism, recollections motifs.

Keywords: promenade motif, space, dynamics, topos.

UDC 821.161.1 +82-1
